

К Р О К О Д И Л

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Вот он — вкусный, аппетитный
 Свежевыпеченный ситный.
 Ешь, хвали! И уважай
 Всех растивших, собиравших,
 В срок (и раньше даже) сдавших
 Государству урожай.

Много благ в полях и недрах
 Нашей Родины. Но недруг
 На советский каравай,
 На румяный, аппетитный.
 Свежевыпеченный ситный
 Рта не разевай!

РАСЦВЕТ

Профессор Алджернон Колман из Чикаго переписал наново знаменитый роман Флобера «Мадам Бовари», употребив в нём всего лишь 1200 наиболее ходовых слов. Существует так называемый «бэзик инглиш» — жаргон, включающий 850 слов и упрощённые грамматические правила.

— Почему, мистер Кэрл, вы так скромно обставили свою виллу на Мичигане?

— Приходится экономить. Ведь ещё не известно, удастся ли нашим друзьям разжечь новую войну.

ДИРЕКТОР издательства «Каракатица» в Чикаго, вздыхая и почёсывая затылок, долго вертел в руках бумагу с длинными рядами цифр. А перед ним в почтительной позе стоял заведующий магазином издательства и отвечал двумя вздохами на каждый вздох директора.

— Н-да, — промямлил директор, — многовато, многовато у нас лежалого товару... Ведь это мёртвый капитал, если хотите знать!

— Мёртвый, сэр! — тотчас же подхватил заведующий магазином.

— Смотрите: и словари не расходятся... и стихи... и романы...

— Как?! Даже «Мадам Бовари» Флобера не покупают?!

— Перестали покупать, сэр. Да оно отчасти и неудивительно...

— Это ещё почему?! Пикантная такая вещичка. Автор знаменитый!

— Всё это так, сэр. Но, осмелюсь доложить, в издательстве «Дж. Пипинг и сын» вышла та же «Мадам Бовари» в обработке какого-то Колмана. Он, знаете ли, переписал весь роман, употребив всего 1200 слов. Оно читателю и легче. Тем более эти старые французы имели привычку совать в свои сочинения чорт знает сколько слов... Ну, а читатель теперь занятый. Ему некогда вспоминать, кто такое там коростель или Людовик № 13 бид или что есть овсянка: птица ли она, каша или трава?

Директор принялся чесать себе подбородок.

— Да, да, да, это вообще полезно: пусть они забудут лишние слова, эти самые читатели. Чем читатели глупее, тем нам легче. Сколько, вы говорите, слов употребляет этот Колман?

— 1200, сэр. Не считая, конечно, междометий, там: ой, ах, у-у-у и так далее...

— Ага. Так вот что: мы закажем новый вариант этой «Мадам» на 850 слов. Прямо по «бэзику». Ясно? И не только Флобера, а все вот эти неходкие книги заставим переделать на 800 слов. Довольно, знаете, дурака вальт!

* * *

А в издательстве «Дж. Пипинг и сын» такой же разговор произошёл примерно через полгода. Старик Пипинг горько упрекал своего сына:

— Ну вот, уговаривал ты меня издать эту проклятую «Бовари» в обработке Колмана. И что же вышло? Полностью мы затоварились с ней: лежит и не продаётся.

Лысый Пипинг-сын пожал плечами:

— Во-первых, отец, сначала эта книга пошла отлично. А во-вторых, нас сильно подкачало то, что издательство «Каракатица» выпустило эту же книгу на «бэзике». В «бэзике» всего 850 слов.

— Так надо вызывать этого Колмана и приказать ему переписать на 600 слов!

— Но вот какое обстоятельство: другие издательства уже включились в эту работу. Уэльзэй и компания выпустили библию на пятистах словах. Боюсь, как бы нам не затовариться на шести-стах...

— Так в чём дело? Вызывай сюда Колмана и прикажи ему шарить на триста слов!..

— О'кей, папа!..

Молодой Пипинг вошёл в кабинет своего отца и сказал:

— Папа, здоровье желать, спать как? Чувствовать как?

— Что с тобою, Боб? — удивился старый Пипинг.

— Прости, отец... Это я вчера начитался наших новых изданий на тридцати словах. Всё-таки оно сказывается: хотеть говорить короткий язык. Короткий хорошо, большой плохо, правда, старик, да?

Отец утвердительно кивнул головой:

— Правда короткий больше хорошо. Твой хотеть пить? Здесь стоять кока-кола буль-буль-буль твой и мой... Хе-хе-хе...

Молодой Пипинг с довольным урчанием кинулся к бутылке.

За окном, переливаясь многоцветными огнями на небе и по стенкам небоскрёбов, сверкала реклама. Тексты этих светящихся анонсов также звучали на новом, укороченном наречии: «Все пить кока-кола всегда», «Мой любить ньям-ньяма резина Гувера», «Носить обувь Смита, ноги потеть нет...»

И всё это означало небывалый расцвет американской капиталистической культуры.

В. АРДОВ

СЕРВАНТЕС: — Только теперь, глядя на нынешнюю Испанию, я понял, что такое средневековье.

О ДЛИНЕ ЮБОК В АНГЛИИ

Недавно лондонское радио передавало заявление бывшего министра торговли Криппса о том, что в связи с недостатком мануфактуры в Англии следует придерживаться моды на короткие юбки. «Чем короче юбка, тем лучше», — сказал Криппс.

Радио добавило, что швейным предприятиям дано указание делать юбки такой длины, которая была бы чем-то средним между английской модой «до колена» и французской модой «до икр» (!).

Так обстоит дело в Англии после представленного ей год тому назад Соединёнными Штатами Америки займа. Английские вершители судеб снова просят займы у Америки. После второго займа от юбок, видимо, останется один фиговый листок.

«ВЕРА НЕГРА В АМЕРИКУ»

В Соединённых Штатах Америки вышла недавно книга некоего услужливого негра Спенсера Логана. Книга называется «Вера негра в Америку». Логан сообщает о «поразительных» вещах, которые он наблюдал во время войны на борту военного транспорта, перевозившего за океан американских солдат — белых и чёрных.

«И белые и чёрные, — захлёбываясь, рассказывает автор, — мирились с теми же неудобствами. И если уборная бывала занята, у двери создавалась очередь без различия цвета кожи».

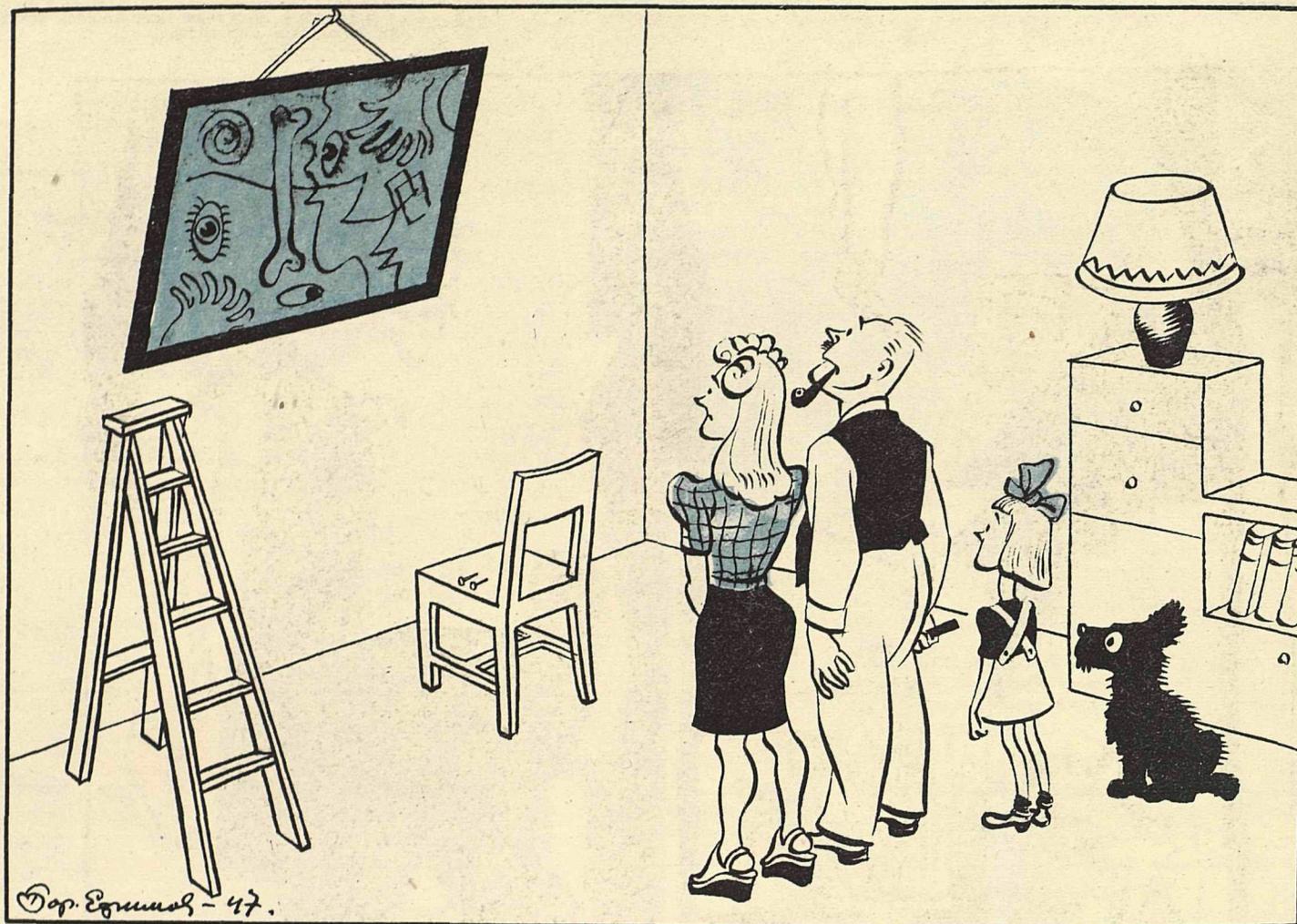
Какое великодушие со стороны «белых господ»! Это тем более трогательно, что не в меру восторженный Логан, надо полагать, и не вылезал из очереди. Надо, не надо — становился, лишь бы ещё раз испытать сладостное ощущение неожиданно обрётённого «равенства» и ещё больше укрепить свою «веру в Америку».

СЫН ЯСНОВИДЦА...

В австралийской газете «Дейли телеграф» словоохотливый сын Уинстона Черчилля весьма неуклюже пытается взять под защиту своего отца, которого тов. Вышинский на Ассамблее ООН с полным основанием отнёс к первому разряду поджигателей новой войны.

Черчилль-младший, между прочим, называет своего отца «ясновидцем». Ясновидец, а как опростоволосился! Стал отцом такого неумного и весьма развязного сына!

М. ЯНКО

Вор. Ефимов - 47.

— Неплохую картину ты приобрёл, Анри. Жаль только, что ты не спросил у художника, где верх и где низ.

МИНИСТРЫ И БАНКИ

Для большей точности отметим: в нашем фельетоне вопреки заголовку действуют не министры, а заместители министров.

Что же касается второй части заголовка, то там всё верно: речь действительно идёт о банках, склянках и тому подобной стеклянной таре.

* * *

Недавно Академия наук СССР обратилась с официальным письмом в Министерство медицинской промышленности СССР.

«Научные организации Академии наук СССР, — сказано в том письме, — испытывают острую нужду в материальной посуде (банки и склянки) с притёртой пробкой, ёмкостью от 250 граммов до 10 литров.

Располагая ценнейшими реактивами, институты Академии наук не имеют возможности хранить их в надлежащих условиях, вследствие чего реактивы приходят в негодность».

Исходя из этого, президиум Академии наук СССР просит Министерство медицинской промышленности СССР дать указание стекольным заводам министерства об изготовлении и отпуске Академии наук следующей посуды (прилагается перечень).

Заместитель министра медицинской промышленности СССР тов. Натрадзе ответил Академии наук СССР нижеследующим письмом:

«Министерство медицинской промышленности СССР лишено возможности удовлетворить Вашу просьбу об изготовлении на стекольных заводах министерства просимых Вами банок и склянок с притёртыми пробками».

Но тов. Натрадзе очень внимателен к науке и её запросам, а посему, не ограничившись отказом, он тут же даёт и добрый совет: обратиться в Министерство лёгкой промышленности СССР. Он, Натрадзе, хорошо знает, что кое-какие заводы этого министерства изготавливают необходимые Академии наук банки и склянки.

* * *

Недавно Академия наук СССР обратилась с официальным письмом в Министерство лёгкой промышленности СССР.

«Научные организации Академии наук СССР, — сказано в том письме, — испытывают острую нужду в материальной посуде (банки и склянки) с притёртой пробкой, ёмкостью от 250 граммов до 10 литров. Располагая ценнейшими реактивами...» и т. д. и т. д.

(Короче говоря, — см. письмо в Министерство медицинской промышленности.) Заместитель министра лёгкой промышленности СССР тов. Рыбаков ответил Академии наук:

«Сообщаю, что на стекольных заводах Министерства лёгкой промышленности СССР банки и склянки с притёртой стеклянной пробкой не вырабатываются, ввиду чего не можем проинять их к поставке».

Но в Министерстве лёгкой промышленности, как и в Министерстве медицинской промышленности, очень внимательны к науке и её запросам, а посему тов. Рыбаков не ограничивается отказом, он тут же даёт и добрый совет. Тем более, что ему точно известно:

«Склянки и банки с притёртой стеклянной пробкой изготавливают стекольные заводы Министерства медицинской промышленности СССР...»

Представляем себе, как весело смеётся тов. Натрадзе:

— Ну, и задал я задачку Рыбакову... Пусть... ха-ха... повозится с этими банками и склянками!

В хорошем душевном состоянии и тов. Рыбаков:

— Остался Натрадзе с носом... Он — ко мне, а я — к нему... Вот смешно!

* * *

А нам, представьте себе, несмешно...

Г. РЫКЛИН

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ С ПАТЕНТОМ

Есть на Урале небольшой старинный городок Ревда. В нём много достопримечательностей. Особой популярностью пользуется заведующий городским финансовым отделом тов. Кириллов. Местные жители про него говорят:

— Он у нас знаменитый. Любой документ, не глядя, подписывает.

В подтверждение приводится следующий случай. Задержали недавно на рынке одного мошенника, занимавшегося «предсказанием будущего и угадыванием человеческой судьбы вперёд на пятьдесят лет».

«Предсказатель» заявил, что он действует законно, с разрешения начальства, и немедленно вытащил из бумажника патент:

«Выдан тов. Каминскому М. Д. в том, что ему разрешено заниматься ворожбой только в пределах Ревдинского района.

Заведующий горфо Кириллов».

Говорят, что прямо с места происшествия Каминский направился к Кириллову предсказать ему его дальнейшую судьбу.

Какова-то она будет?

БАРХАТНАЯ ДОРОЖКА

ЗРЕНИЕ у Пчёлкина было превосходное. Но как только его назначили заместителем управляющего, он купил очки, такие же, как у самого управляющего товарища Волкова.

Оставаясь один в своём кабинете, он снимал очки, а если кто-нибудь, войдя без доклада, заставал его без них, он торопливо доставал из жилетного кармана кусочек замши и начинал старательно протирать стёкла.

Пчёлкин старался во всём подражать своему начальнику. Он стал носить такой же костюм, обзавёлся такой же, как у Волкова, толстой тростью с медной насечкой. Он долго не решался сменить привычную кепку на шляпу, но не вытерпел и купил шляпу, такую же, какую носил управляющий, — тёмносинюю, с узкой чёрной лентой.

Прежде чем показаться в шляпе на улице, он около двух недель привыкал к ней дома. Придя с работы и отдохнув после обеда, он надевал шляпу и гулял в ней по двору.

Управляющий был высокий, дородный, а Пчёлкина природа ростом обидела. Неприветливый и часто угрюмый, он расцветал, если ему говорили:

— Я вчера вас на улице видел. Думаю, кто это идет? Сначала мне показалось, что это ваш Волков, а это вы...

И всё же, несмотря на все его старания походить на управляющего, он был всего навсего только Пчёлкин.

У управляющего была не только шляпа, но и авторитет. У Пчёлкина была шляпа, а вот авторитета не было. И Пчёлкин решил приобрести авторитет.

На собраниях Пчёлкин, не дожидаясь выборов, появлялся за столом президиума. Если же он опаздывал и видел, что место рядом с Волковым занято, то он мрачнел и был в плохом настроении весь день.

Из всех искусств Пчёлкин признавал только игру в шестьдесят шесть. Но для поддержания авторитета и следуя опять-таки примеру Волкова, он часто появлялся в театре: устраивался в ложе поудобнее и засыпал, мечтая об антракте, когда можно будет выпить бутылку пива.

На совещаниях, где Пчёлкин бывал довольно часто, он видел, как многие, придя пораньше, толпились у книжных киосков, жадно выбирая книги.

— Отложите мне десяточек посвежее, — важно говорил он киоскёрше, так, как будто она продавала не книги, а жирных карсей.

Даже дома Пчёлкин не забывал о своём авторитете. Наставляя жену и десятилетнего сына Колю искусству жить, он, не мигая, глядя в одну точку, говорил им:

— Сколько в нашей округе докторов? Много. Ещё больше учителей, агрономов и прочих. Я же один, если не считать товарища Волкова.

Однажды Пчёлкин, придя на службу, вызвал к себе в кабинет завхоза. Медленно выговаривая каждое слово, он спросил:

— Вы мне ответьте: на каком основании вы решили подрывать мой авторитет?

Завхоз, не понимая, в чём дело, молча стоял, дожидаясь разъяснений. Но Пчёлкин сухо произнёс:

— Идите и подумайте, а через час зайдёте.

Через час завхоз вновь предстал перед Пчёлкиным. Заместитель управляющего сидел в кресле, как каменный идол. Не глядя на завхоза, Пчёлкин спросил:

— Додумали?

Завхоз развёл руками и взмолился:

— Алексей Кузьмич! Не томите душу. Скажите, в чём я перед вами провинился?

— У вас авторитета нет, вам и терять нечего. А каково мне?

Завхоз снова ничего не понял. Тогда Пчёлкин уточнил обиду:

— Почему до моего кабинета не дотянулось?

Тут всё и выяснилось. Оказалось, что накануне завхоз купил где-то по случаю новую бархатную дорожку и положил её в коридоре. Дорожка была короткая, и два метра коридора до двери Пчёлкина остались непокрытыми.

Завхоз пытался было объяснить, что длиннее дорожки не было и что не стоит, дескать, из-за этого волноваться. Он так и сказал:

— Вы уж меня простите, Алексей Кузьмич, что я обмшпулился. Я учту. Но волноваться, право, не стоит.

Всё, может быть, на том бы и кончи-

лось. Но, уходя, завхоз высказал еретическую мысль, что авторитет дорожкой не поднимают:

— Дорожка — она и есть дорожка. Вот у соседей один начальник в кабинете кресла и стены шёлком обтянул. А приёмник поставил... не приёмник, а целый орган. А его всё-таки сняли...

Такого святотатства Пчёлкин вытерпеть не смог. Он забыл, что полгода говорил басом, и перешёл на визг...

Приказ Пчёлкина об увольнении завхоза был отменён после вмешательства общественных организаций. Сочтя это за личную обиду, Пчёлкин подал заявление об уходе. Его не задерживали.

Скоро в этом учреждении о нём забыли. Забыли даже, как его звали, а если вспоминали, то только так:

— Помните, у нас этот работал... ну как его... да этот «бархатная дорожка»?

Где-то он сейчас? По какой ходит дорожке?

Арх. ВАСИЛЬЕВ

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Сидорова обязательно надо привлечь к ответственности.
— А по какой статье?
— Да вот по этой самой... которую он написал против меня.

ОПЫТ МОНОГРАФИИ

Он мало знал, был неумен
И вовсе не был эрудитом,
Но сам себя считал маститым
Литературоведом он.
И, мчась вперёд на всех парах,
Гремя доспехами своими,
Себе спешил он сделать
имя
На иностранных именах.

Он чтит их, чтит благоговейно,
Они ему служили все.
К его услугам были Гейне,
Бальзак, Золя, Ренье, Мюссе,
Стендаль, Рабле, Гольдони,
Гоцци,
Мильтон, Бодлер, Гюго, Доде,
Торквато Тассо, Песталоцци,
Верлен, Шпильгаген и т. д.

Нисколько не щадя здоровья,
Не уставая никогда,
Маститый критик без труда
Строчил статьи и предисловья.
Глубоко вникнув в содержание
Своей невинной жертвы, он
В ней сразу находил влияние
Всех вышеперечисленных имён.

С отменной ловкостью вначале
Улавливал он между строк,
Что на писателя влияли
Бальзак, Виргиллий, Поль-де-Кок,
Стендаль, Жорж Занд,
Гольдони, Гоцци,
Верлен, Бодлер, Дюма, Доде,
Торквато Тассо, Песталоцци,
Корнель, Шпильгаген и т. д.

Потом фиксировал внимание
На том, что взять писатель смог
У Пруста знаки препинанья,
У Sterne — фабулу и слог.
Потом доказывал странно,
Что автор стиль и форму всю
Частично взял у Мопассана,
Частично — у Эжена Сю.

Потом искал в корнях сюжета,
А также в построении фраз
Влияние римского поэта,
Который не дошёл до нас.

Потом он насыщал трактат
Большим количеством цитат
Из Теккерея и Вольтера,
Из Шеридана и Доде,
Из Мопассана и Мольера,
Из Калидассы и т. д.

Так между прочим мы узнали
(Он это твёрдо доказал),
Что на Некрасова влияли
Смоллет, Лесажи и Ювенал.
Конечно, и аббат Прево
Имел влияние на него.
Узнали также мы, что Крона
Нельзя понять без Кальдерона,
Что на Погодина весьма
Испанская влияет сцена,
Что Шкваркин вышел из Дюма,
А Михалков — из Лафонтена.

И несомненно, например,
Всегда влиял в огромной мере
На Маргариту Алигер
Великий Данте Алигьери.

Не знал литературовед,
Что он строчит махровый оред.

Мы больше бы о нём сказали,
Но опасаемся, что он,
Прочтя наш скромный
фельетон,
Докажет, что на нас влияли
Жорж Занд, Шопен, Золя,
Мильтон,
Стендаль, Ренье, Бетховен,
Гоцци,
Флобер, Сезан, Рабле, Доде,
Торквато Тассо, Песталоцци,
Ван-Гог, Фейхтвангер и т. д.

А. РАСКИН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ
РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ

(К. ФЕДИН)

«О, глаза были гораздо богаче жалкой человеческой речи, — каждой мысли они придавали неисчислимые оттенки и простое «да» говорили в любой окраске, от небесно-синей до болотной, от смоляной до карей, от пепельной до чернильно-вороной, и каждое это цветное «да» светилось на свой лад в глазах мужчины и на свой — в глазах женщины...»

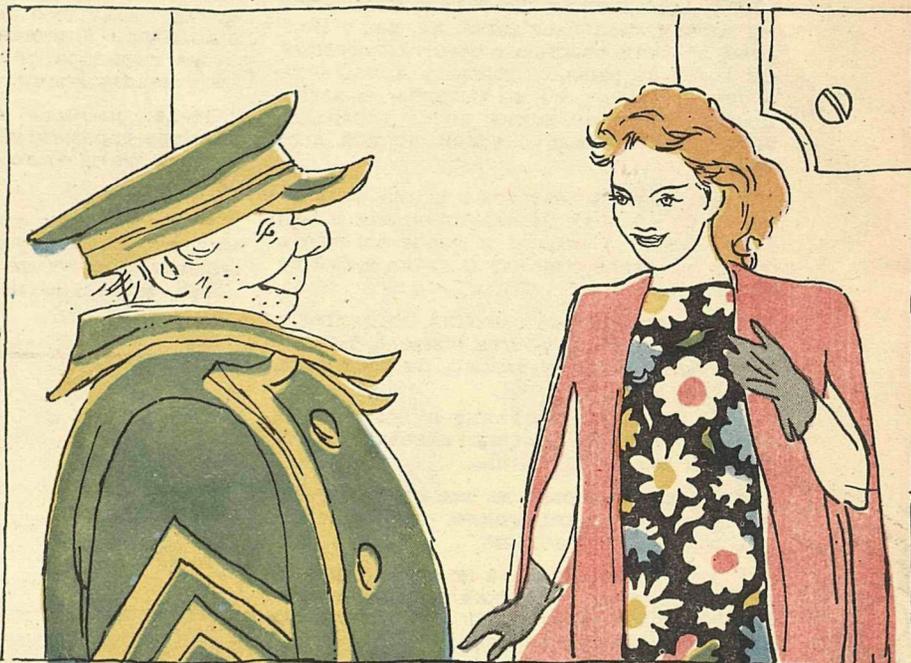
(К. Федин «Первые радости»).

ПЕТУХОВ смотрел на неё в упор пёстрыми, разноцветными глазами, слегка раздувая резные свои, столичные ноздри. Как заяц, лакомящийся хрусткой осенней морковкой, шевелил мохнатыми, как и весь он, ушами, пронизанный сквозной искрящейся радостью Ониссим.

Все они, и одетый с провинциальной изысканностью губернского премьера Бенефисов, и непринуждённо донашивающий чьё-то петушиного цвета исподнее Таалдыкин, и напористый, юный, с едва пробивающимися вкусишками Гавриил, в эту минуту были похожи тем почти неудовимым, единственным в своём роде, чисто мужским сходством, которое почти никогда не встречается у женщин.

Чахлый уездный скверик осенял друзей нехитрым своим убранством. Кружевные тени листвы мягко скользили по лицам, ловили друг друга на жёлтых дорожках и зелёных газонах и были похожи на что-то такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать, но с детских дней знакомое и памятное и, кажется, даже читанное.

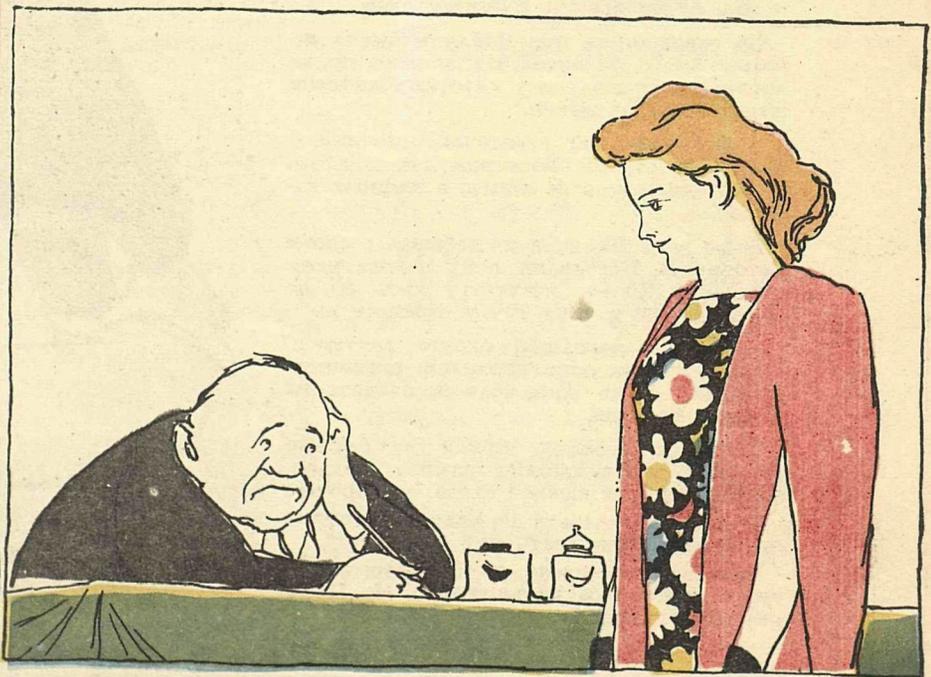
Празд
Коме

1. В ясный осенний день в дверь некоего учреждения, ведающего искусством, постучалась красивая, молодая, жизнерадостная, весёлая незнакомка. И звали её Комедия.

И отворил ей дверь повывавший виды театральный старик. Печально улыбнулся он и молвил:

— Хоть и не похвалят меня за то, что впускаю вас в данное помещение, но уж больно веселы вы и пригожи... Да и сам я посмеяться любитель. Проходите уж.

2. И предстала весёлая Комедия пред руководящие очи. Поглядело начальство на Комедию с тоской во взорах, поговорило о том, о чём по телефону, запись на календарике сделало: «Не забыть бы швейцаристарника уволить за допуск лиц посторонних», — ещё раз поглядело на Комедию, вздохнуло тяжко и сказало:

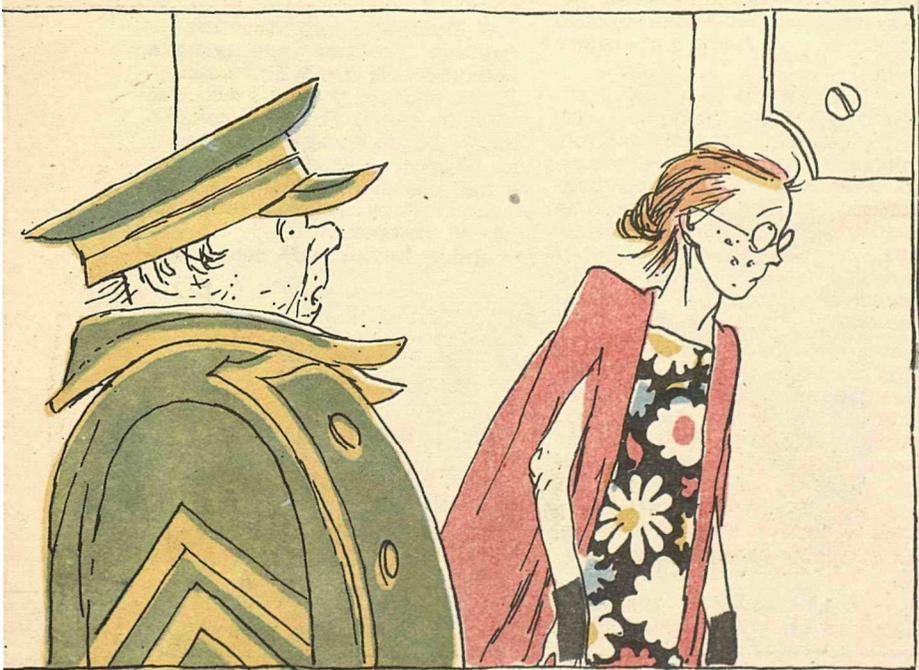
— М-да (имея в виду «нёт»)...

е дит
едем

3. И направило начальство Комедию к верным своим помощникам — консультантам да референтам.

Окружили Комедию люди разные, засмеялись было сперва да спохватились: вспомнили про положение своё служебное. И закидали они Комедию предложениями да сомнениями, переделками да указаниями. Изменилась Комедия...

4. И вышла она из этого учреждения, и даже старик-швейцар не узнал в ней былую Комедию — красивую да молодую; жизнерадостную да весёлую.

Посмотрит зритель бывшую Комедию да и скажет:

— Не смешно!..

И правильно. До смешного доходит: до чего не смешно!

Тёплый парной денёк, из тех, что вряд ли когда бывают в январе, а уж если выдадутся, так непременно в июле, был в разгаре.

— Который час? — небрежно спросил порозовевшими глазами Петухов.

И юношеским, срывающимся глазком тундрово-бессрочной окраски ответил ему взглядом же, как припечатал, Гавриил:

— Без трёх два.

Как радостно было всем пятерым ласкать её глазами — стройную, как молодая берёзка, чистую, как слеза тронутого читателя, такую славную и опрятную в этой обычной своей красной шапочке и в то же время такую соблазнительно-пьянящую бутылку «Нежинской рябиновки»!

— За что пьём? — уверенным актёрским баритоном, небрежно и как бы невзначай спросил Бенефисов, но карие глаза его, мигнувши назад совсем голубые, как это лёгкое, какое-то невсамделишное небо, и вот уже чёрно-самодержавные, как голенище исправника, эти глаза стали вдруг серо-буро-малиновыми.

Лысина жандарма выплыла из-за узорчатого, как пряник, киоска с пивом, и прокурорская плешь, плавно качаясь в останисвившемся воздухе эпохи, двинулась ей навстречу.

Петухов резко, давно обдуманном движением асадил штопор в пробку.

— Я не хочу пить за! — озорно шепнул он. — Я буду пить против. Всю жизнь пили мы неправильно.

— Ах-х... — выдохнул Таалдыкин и смущённо погладил закуску, как гладят ребёнка, единственного и любимого.

«Лида!» — подумал скорбно Гавриил.

Но было уже поздно. Лида шла замуж за купца. И это было ни на что не похоже.

ТУМАННАЯ ЮНОСТЬ

(Р. ФРАЕРМАН)

«И, глядя на солнце, которое с таинственной дрожью поднималось из-за реки, она попросила у этого приходящего дня любви, мудрости, и понимания жизни, и разных вещей, которых, вероятно, много на свете».

(Р. Фраерман «Дальнее плавание»).

ДИНКА проснулась рано, хотя было уже поздно и мама уже ушла, а папа ещё не пришёл. День был серый, и городок её, родной и любимый, не был красив и весел. Но она любила его и таким, с его маленькой речушкой и узкими улочками! Ведь здесь она родилась и выросла, тут узнала таблицу умножения и много других интересных вещей. Здесь она видела снег зимой и траву летом, и здесь горела её светлая юность несильным, но чистым и ярким светом, и свет этот пылал в динкиных глазах, особенно ярких сегодня, в день её шестнадцатиполовioletия.

Пока она спала, весь класс уже перебивал у своей любимицы, подружки убрали комнату, помыли пол, побелили потолок, приготовили за Динку все уроки и даже позавтракали за неё. Динка засмеялась весело и решила, что она обязательно хорошо проживёт свою жизнь.

«Это ничего, что я некрасивая, — подумала она о себе, — зато я милая и непосредственная и обязательно понравлюсь массовому читателю. Я прочту все-все книги, и у меня будет много друзей, и я поеду куда-нибудь и буду оттуда писать письма и скромно делать своё небольшое, но нужное людям дело. И, может быть, я даже выйду замуж...»

— И у нас будут дети, — подхватил неслышно вошедший в комнату Вася. Он так давно знал Динку и так много думал о ней, что научился безошибочно читать все её самые тайные мысли и это уже никого не удивляло.

— Разве ты меня любишь, Вася? — тихо спросила Динка. — А я думала, что мы просто очень-очень большие друзья и что это очень хорошо.

Вася ничего не ответил, он только взял Динку за руку и так посмотрел на неё, что она сразу поняла, почему красивая Валя нравится ему меньше, чем она, совсем простая и даже с веснушками Динка. И ей стало жаль уходящего детства, но она не заплакала, и Вася засмеялся вместе с ней. Девочки из её школы стояли под окнами и слушали, как смеётся их Динка, и кривая успеваемости резко шла вверх. Но вдруг милое лицо Динки перекосялось, она бросила тарелку на пол, порвала любимую книжку и вся в слезах кинулась на Васю.

— Уходи! — закричала она. — Ты ничего не понимаешь! Вы все ничего не понимаете. Она, они, оне тоже не понимают. Оставьте меня! Я буду переживать! Я вспомнила, что у нашего любимого завуча один зуб со свистом. Я не могу больше так жить! Опустите мне веки!

— Ты кричишь, как дикая собака, Динка! — сказал Вася.

— Что?!

Вася поспешно вышел. Ещё более поспешно вышла книжка для детей старшего возраста.

ИСТОРИЯ о тёмном Гусе

«Дорогой Крокодил!» — так начиналось одно из многочисленных писем, полученных в этот день редакцией. Обычное начало, но дальнейшее содержание письма было уже совсем необычным:

«Приезжай к нам в Гусь-Хрустальный! Приедешь — отдохнёшь, развлечёшься, познакомишься к нашей культуре...» Подписи: молодые рабочие и ремесленники текстильной фабрики «Красный Профинтерн», Хрустального завода, завода «Стекловолокно» и пр. — Маша, Надя, Валя, Петя, — фамилии неразборчивы.

Но всей редакции уехать нельзя, и мы с художником Вальком были очень счастливы, что именно нас отправляют приобщаться к культуре в это хрустальное царство.

В Гусь мы приехали ночью. Темнота.. Ах, какая стоит темнота! Мы протягиваем руки в чёрное пространство и восклицаем:

— Отчего так ужасно темно? Кто-то откликается сердитым басом:

— Полминуты в темноте были — и им ужасно! А как же мы полгода этак-то?

Почему полгода в темноте? Невероятно!

За станцией попадаем в огромную, видимо стабильную лужу.

— Да вы дорогу-то руками ощупывайте! Эх, вы, непривычные! — сочувственно гудит бас.

ТОВАРИЩ ШПАГИН СМЕЕТСЯ

Понутру, чтобы разобраться в этом тёмном вопросе, мы входим в горисполком, осторожно перешагнув через волю яму на парадном крыльце, и знакомимся с товарищем Шпагиным, исполняющим обязанности председателя горисполкома:

— Василий Сергеевич, в чём дело? Мы приехали приобщиться к культуре вашего го-

рода, но ведь культура и свет — понятия неотделимые? Пожалуйста, осветите нам эту картину.

— Не могу, понимаешь, осветить, — огорчённо говорит тов. Шпагин. — Сам полгода сижу со свечкой. Энергии систематически нехватает.

— Как так? Ведь в вашем городе шесть предприятий всесоюзного значения?!

— Эти освещаются. Агрегаты у нас вертятся.

— Ну а вы, простите, как же вы сами вертитесь в таком первозданном мраке?

— А мы никак! Мы вкоре парализованы, — соглашается тов. Шпагин и с непонятным нам до сих пор увлечением начинает перечислять:

— По случаю отсутствия света у нас всё буквально стоит: вторая смена в школах не учится, в больнице темно. Местная промышленность в свою очередь замирает. Станция также не освещается.

— Мы в этом убедились. Мы вчера вечером тоже замирали на станции. Но, не считите это за обиду, почему же полгода замираете вы?

— Что вы, что вы! — тов. Шпагин достаёт из стола оправдательные бумажки. — Мы писали в Москву и немного погоды, обратно писали.

Совершенно тёмный рассказ о непонятной переписке занимает полчаса, и, пока художник Вальк запечатлевает профиль тов. Шпагина, в моей записной книжке появляется сказка про белого бычка или, скорее, история про тёмного Гуса.

Тов. Шпагина начинает беспокоить наш неожиданный визит и, может быть, для того, чтобы напугать нас, он говорит:

— Случись ночью пожар — погорим поголовно и дотла! Ар-

тезианские колодцы работают на электричестве, а его нету.

Потрясённые темнотой, так ярко развёрнутой перед нами гостеприимным хозяином, переводим разговор на другую тему:

— Мы слышали, что у вас каждый вечер в кино прерываются сеансы из-за отсутствия света и терпеливые зрители по три раза ходят досматривать картину?

— Безусловно. Систематически.

Художник опротетчиво даёт совет:

— А если бы поставить движок?..

Товарищ Шпагин улыбается. Так взрослые снисходительно посмеиваются над наивным лепетом ребёнка.

— «Движок!» Движок — это примитивность! В таком городе — и вдруг движок! — и он весело смеётся.

Тов. Шпагин при местном освещении.

ДЕВУШКИ, КОТОРЫХ ТРУДНО ЗАВЛЕЧЬ

На текстильной фабрике «Красный Профинтерн» мы сразу заговорили о клубе. Ведь мы всё-таки приехали приобщаться к культуре.

Директору Горшкову было приятно, что мы не спрашиваем его о производственных делах, поэтому он очень охотно поддержал разговор о культуре и быте:

— Клуб у нас большой и хороший. Конечно, несколько раз обрушивалась штукатурка, но сейчас это уже почти незаметно. Безусловно, надо его подновить, чтоб он был несколько похож на культурное учреждение, чего в данный момент сказать нельзя. Часть клуба, конечно, занята под общежитие.

Нас сопровождает заместитель председателя фабкома тов. Новиков. Ему не хочется вести нас в общежития, где, по словам директора, «топчаны изжиги полностью, но тумбочка ми пока что не укомплектованы». Но, может быть, именно в этих общежитиях и живут наши корреспонденты Маша, Надя и другие?

— Здравствуйте, девушки! Не здесь ли живут Маша, Надя и Валя, которые писали нам в Крокодил?

Девушки переглядываются. Нам кажется, что это именно они, но просто им не хочется сознаваться, что они над нами подшутили, пригласив приобщиться, и так далее.

— Писать не писали, а собираемся. Хотим, чтоб Крокодил поделал на вилы наш фабком.

Тов. Новиков понимает, что фабкому будет неудобно на виле, и говорит:

— Кружки у нас имеются, но вообще девушек завлечь трудно.

— Все эти кружки только на бумаге! — прерывают Новикова неумолимые девушки. — Последняя постановка драматического кружка была в марте! Кружок кройки и шитья не работает. О струнном оркестре как мечтали! А инструментов нет...

Здание клуба очень большое, очень хорошее и очень запущенное. Заведующий в отпуске, нас водит по клубу его заместитель — молодой завхоз Коля Соколов. Он энтузиаст, он был бы рад насаждать культуру, но у него и без того дела по горло.

— Вот, обратите внимание, это первый этаж, — говорит он, — здание трёхэтажное, как вы заметили, но когда дождик, протекает до самого низа. Приходится таскать с места на место плюшевые диваны, чтобы они не промокли. Тем же порядком таскаем рояль. Нехорошо, когда в нём вода. Плюшевый занавес я уже снял, плохо, когда мокрый занавес...

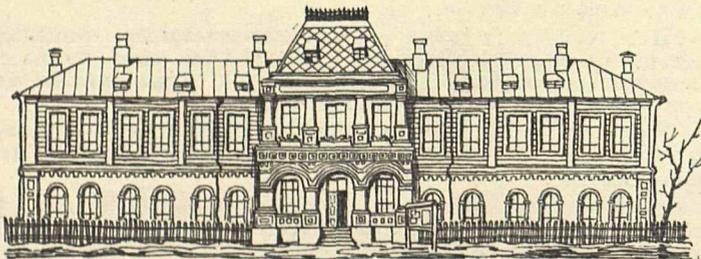
ПОСЛЕДНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Побывав на прощанье на Хрустальном заводе, походив с благоговением по выставке сказочно-прекрасных хрустальных изделий, мы решили больше никуда не ходить. Мы хотели, чтобы последние впечатления были хорошими — о хороших людях и хрустале. Вот разве заглянуть по дороге в городскую библиотеку? Встреча с классиками не испортит впечатления.

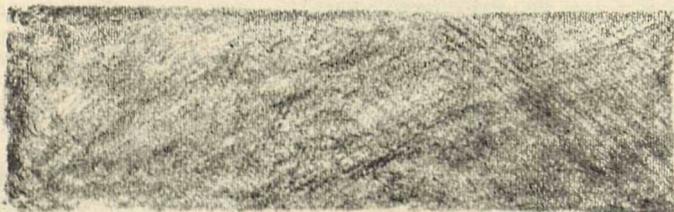
Библиотека помещается в здании горисполкома, в двух шагах от кабинета тов. Шпагина.

— Пушкина не держим, — грустно говорит заведующая библиотекой Лида Куликова. — Да и вообще у нас всего две тысячи книг. Что ж поделаешь? Конечно, очень неприятно. Спрос огромный, читатель у нас требовательный. На каждую книжку записывается по 30—40 человек.

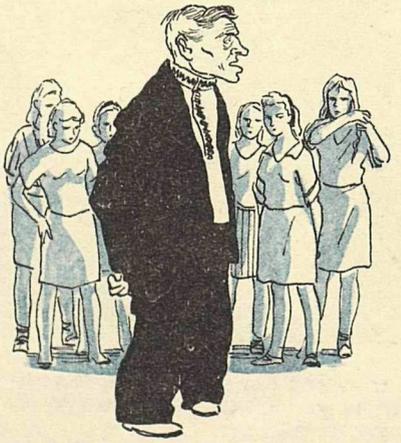
Мы не хотим быть сорок пер-

Здание горсовета при дневном свете.

Оно же в сумерках...

Тов. Новиков.

выми. Впечатление опять испорчено. Последняя встреча с тов. Шпагиным не способствует улучшению впечатления.

— Обрато уезжаете? — приветствует он нас, не скрывая своей радости. — А к нам тут представитель из области при- был, так он тоже прямо-таки с удивлением констатирует факт отсутствия света, — и добавляет авторитетно: — Могу вам сказать с твердой уверенностью, что и в четвертом квартале энергии, как таковой, обратно не предвидится. Так что уж я вас попрошу, вы обязательно осветите в печати, что я сам полгода со свечкой сижу.

— Уже, наверное, вошло в привычку?

Тов. Шпагин доволен, что на прощанье создалась атмосфера теплого взаимопонимания, и крепко жмет нам руки.

— Привычка, — понимаешь, вторая натура!

На этот раз нам изменяет профессиональная любознательность, и мы не спрашиваем, какова первая натура у тов. Шпагина. Для его характеристики нам с избытком хватает и второй: он привык каждое утро спокойно перешагивать через дыру в полу на парадном крыльце горисполкома; он привык, посидев у себя в кабинете, и не спеша, и не портя

крепких нервов, время от времени доставать из стола оправдательные бумажки, дожидаясь вечернего бдения со свечой.

ДИТЯ НЕ ПЛАЧЕТ

Мы снова в Москве. Курский вокзал залит светом, но у нас в глазах до сих пор темно от разговоров с тов. Шпагиным. Не заезжая в редакцию, мы направляемся в Мосэнергобыт. Надо же внести ясность в историю о темном Гусе!

— Шпагин? Нет, мне такой незнаком, — говорит директор Энергосбыта тов. Буденный. — У меня много беспокойных знакомых из разных городов. Приезжают, просят, требуют. Но Шпагина никогда не видали. Впрочем, в конце июня, действительно, была из Гуся телеграмма... «Для выяснения дел выехал наш представитель Москву». Но и представителя я не видел.

Где же ещё мог проявить свою кипучую энергию по добыванию энергии электрической тов. Шпагин? В Госплане?

Звоним в Госплан.

Госплан отвечает:

— Никакого Шпагина никогда не видали. Но за этой подписью нам переслано два письма: одно — от 30 июля, другое —

от 1 сентября. До этого никаких сигналов не поступало.

— Поживей надо быть, похозяйственной, — замечает директор Энергосбыта. — Лимит у них небольшой, но если не разбазаривать, его бы хватило. А если нехватает, приехал бы, как другие люди приезжают. Летом мы бы не отказали в увеличении, будь бы нам известна вся эта история. А ведь дитя не плачет — мать не разумее. Но лишать жителей света — это безобразие! И никто не имеет на это права!

Темнота мало-помалу рассеивается. Апрель, май, июнь, июль тов. Шпагин молча и благодушно привыкал к потёмкам. Совсем было привык, если б не беспокойные сограждане. Пришлось 30 июля написать письмо и, отдохнув после затраты энергии ещё месяц, послать в сентябре другое...

Однако жители Гусь-Хрустального не хотят привыкать к шпагинским привычкам. В их городе славный, известный всей стране Хрустальный завод и ещё пять предприятий всесоюзного значения; у них есть отличный стекольный техникум с просторными, полными света (дневного) классами и удобными общежитиями; у них есть школы и больницы, ремесленные училища и дет-

ские ясли, большой клуб и вместительный кинотеатр; три библиотеки, кроме той, в которой не держат Пушкина, и, наконец, музей хрустала, единственный по разнообразию великолепных экспонатов.

Но, как говорится, наряду со всеми этими достижениями у них имеется и крупный недостаток в лице и. о. председателя горисполкома тов. Шпагина. Это охотно подтверждают все те, с кем довелось нам беседовать на тему о «темном Гусе».

Однако граждане славного хрустального города твердо уверены, что нет таких недостатков, которые нельзя устранить.

В. КАРБОВСКАЯ

Иллюстрации г. валька

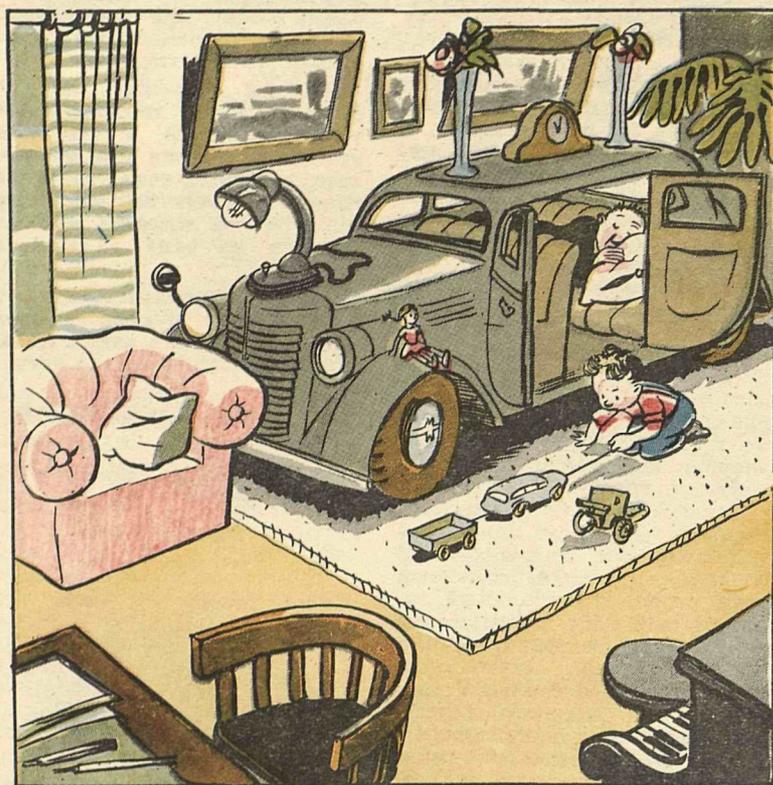
(специальные корреспонденты Крокодила).

Рис. А. КАНЕВСКОГО

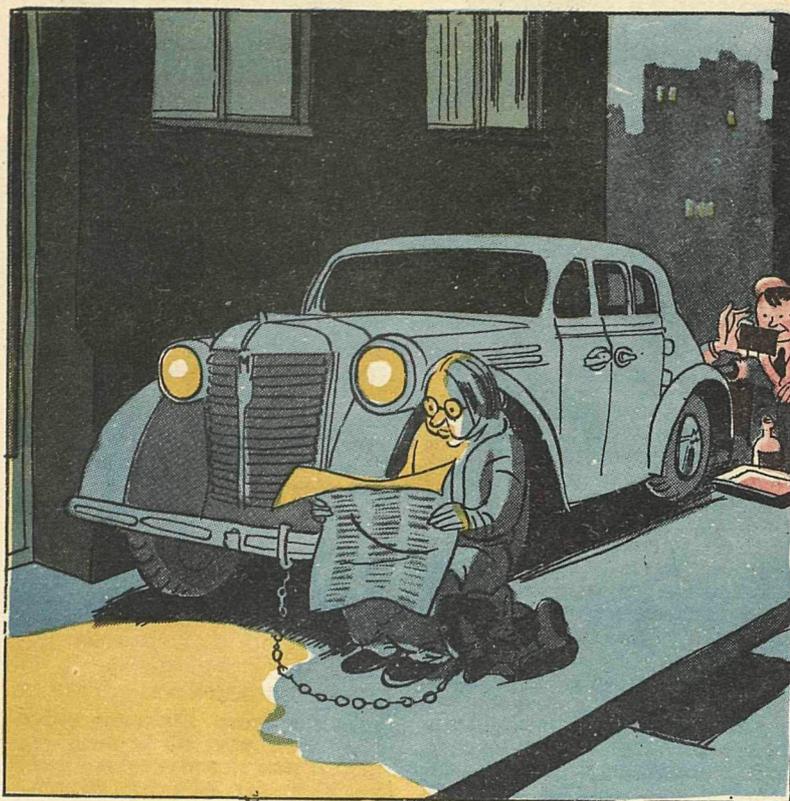
— Что там за грохот?
— «Новый дом», а провалился...

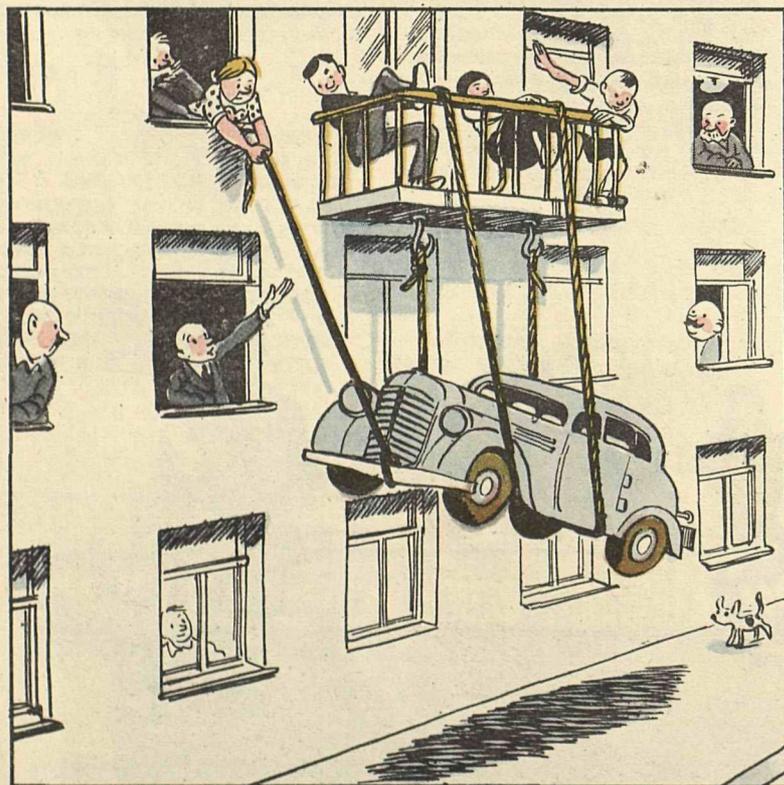
1. Сыскать гараж для своей машины — задача не из лёгких. Москвич, обзаведшийся «москвичом», от решения этой задачи избавлен. «Москвич» — малолитражка, и, как сказал о нём один московский поэт:

«Он был удобен тем уже,
Что не нуждался в гараже».

Хранить эту машину можно даже в своей квартире или...

2. ...во дворе дома. Сторожить машину в ночное время вы можете поручить кому-либо из членов вашей семьи, например престарелой бабушке или несовершеннолетнему племяннику. Первая сможет совместить эту работу с вязанием чулок при ярком свете автомобильных фар, а второй — с проявлением фотопластинок при красном свете стопсигнала.

3. Если ваша жилплощадь занята вещами приехавших родственников или знакомых, командированных в Москву на срок не свыше одного года, хранить в квартире даже малолитражный автомобиль вам будет, пожалуй, трудно. Но при наличии балкона эту трудность нетрудно обойти.

4. Самое надёжное, конечно, — хранить машину в одной из клеток Зоопарка. В такую клетку не рискнёт, разумеется, войти никакой любитель чужой собственности. Не рискнёте, пожалуй, войти в неё и вы сами, и хотя это несколько затруднит вам пользование своей машиной, но зато она будет в полной сохранности.

Дорогой
Крокодил

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

Если тебе потребуется на тарном заводе в городе Клайпеде несколько кадушек, то для расчёта приготовь заранее 2 письменных стола, этажерку, детский стульчик и тумбочку для патефона или 2 дивана и шифоньер. Я не знал об этом и поэтому остался без кадушек.

Директор завода тов. Сидоров на просьбу сделать несколько кадушек спросил:

— Мебель у вас есть? Обеспечьте нас мебелью — получите кадушки.

Я был поставлен в довольно затруднительное положение. Потом тов. Сидоров сжалился и направил меня к работнику завода Кузнецову, специально занимающемуся заказами. Этот деловой человек, в порядке личной симпатии ко мне, как к однофамильцу, согласился продать кадушки в обмен на... резиновые баллоны для грузовика.

Не дашь ли ты мне совет, дорогой Крокодил, как получить кадушки, уплатив за них советскими деньгами?

Г. А. КУЗНЕЦОВ,
Герой Советского Союза

г. Советск, Калининградской области.

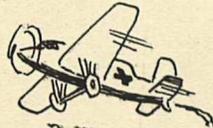
Уважаемый Крокодил!

Два года тому назад я женился, и вскоре же начались мои злключения. Не подумай, что мне попала сварливая жена, нет, жена тут не при чём. Оказывается, когда женишься, надо присматривать себе добропорядочный загс. Когда мы регистрировались в загсе г. Полуги, Запорожской области, не было бланков свидетельства о браке. В том же году я уехал к новому месту службы. Секретарь загса обещал мне, как только бланки появятся, выслать свидетельство по новому адресу. Идёт уже третий год, как я веду безответную переписку с загсом, председателем райисполкома и райпрокурором. У меня уже двое детей, но их не вносят в моё личное дело, так как нет залученного свидетельства. По моей просьбе брат дважды обращался в загс с доверенностью, но ему отказали, объяснив, что выдать свидетельство могут только бракосочетавшимся.

Теперь я не знаю, что делать: или ехать вместе с женой и детьми за 10 тысяч километров, или отказаться от непосильной борьбы с работниками загса. Жена меня, правда, утешает тем, что когда мы на старости лет, может быть, получим наконец свидетельство, будет даже приятнее — как будто только что поженились.

П. А. ОЧЕРЕТ,
старший лейтенант

Полевая почта № 51211.

Дорогой Крокодил!

В середине августа заведующий Бобруйским областным финотделом тов. Нисневич обратил-

ся ко мне с просьбой предоставить ему самолёт санитарной авиации. Поскольку такие самолёты предназначены только для оказания неотложной медицинской помощи, а тов. Нисневич находился тогда в добром здравии, я отказался выполнить его просьбу.

Мой отказ нарушил душевное равновесие тов. Нисневича, и он решил, что это нарушение должны почувствовать все жители Бобруйской области. Вот почему, когда встал вопрос об отпуске Облздраву средств, тов. Нисневич задержал выдачу нам денег. Не помогло и вмешательство облисполкома.

Таким образом, наказан не я, а всё население. Поэтому душевное состояние тов. Нисневича вызвало в Бобруйске общее беспокойство. Убедительно просим оказать нам неотложную помощь.

Если для этого понадобится санитарный самолёт, готовы его выделить. Для такого дела не жалко.

Е. ХАЗАНОВ,

зам. зав. Облздравотделом

г. Бобруйск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В номере 19 Крокодила был напечатан фельетон «В защиту тёщи», в котором рассказывалось о работнике Лаурского райвоенкомата Ветрове, который, поссорившись со своей тёщей, решил лишить её овещения и спилить для этого электрические столбы.

Начальник полтотдела Красноярского краевого военкомата сообщил, что поступок Ветрова осуждён как порочащий честь и достоинство советского офицера.

Крокодил получил письмо, в котором рассказывалось о неблагоприятном положении в Казанском и Шаргарском детских домах Читинской области.

Письмо было направлено на расследование. По сообщению Министерства просвещения РСФСР, директора обоих домов, Соколовский и Ищутин, сняты с работы и отданы под суд.

Рис. Е. БВРАНА

ТОЧНОЕ РАСПИСАНИЕ

— Когда же наконец у нас в учреждении развернётся самокритика?
— А вы взгляните в кварталный календарный план, товарищ! По субботам у нас кино, по пятницам — доклады о международном положении, 15-го и 25-го — совещания заведующих отделами, а общее собрание и, стало быть, самокритика — 17-го числа следующего месяца.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 730.

Подп. к печати 8/Х 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 08281

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 2723.

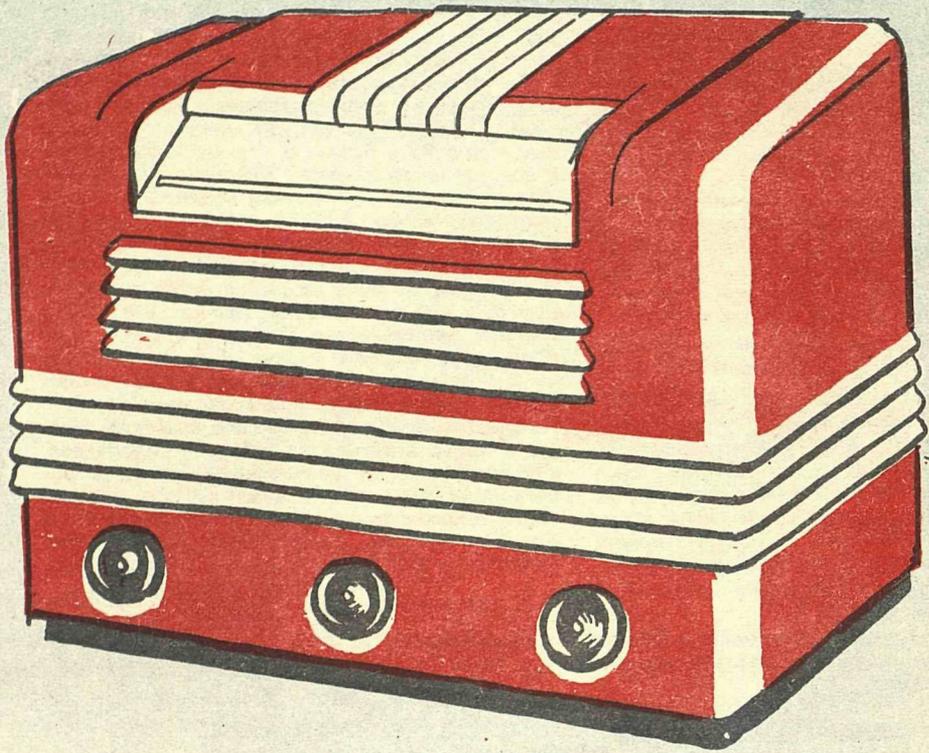
98
22 ОКТ 1947

СЛУШАЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО...

7872

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
С.-ПЕТ. ЭКЗ.
1947 г.

— Я же говорил: надо объявить херстовый поход против них!

— Послушайте, что он говорит!!! То-есть я хотел сказать: не слушайте, что он говорит!..

— Откуда он знает для чего я делаю атомные бомбы? А, может быть, я ими рыбу глушить собираюсь!

— Мы последовательны: кто сказал „А“, тот скажет и ... „том“.

— Не понимаю какие это блага может дать мир... Вот война действительно дала мне очень много!

— А что, если заткнуть наушники ватой?

— Запретить пропаганду войны?! Нет, я за свободу слова, если это слово — „война“!..

— Можно теперь не трудиться подсчитывать прибыли нашего концерна, — Вышинский сделал это очень точно...